

Игорь Амосов

БОРИС

16+

Игорь Амосов

Борис

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Амосов И.

Борис / И. Амосов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Где та грань между открытиями в современной науке и скорым концом света ? Никто не знает. А вот трое учёных так близко подошли к разгадке, что за девять дней от начала сдвига в эксперименте, от зарождения клетки и последующей её эволюции растеряли не только себя.. Итогом стала жатва не только человеческих тел, но и душ.

День первый

На опушке, во дворе деревянного особняка, затерявшегося в гибких ветвях берез, колымаемых августовским южным ветром, на плетеных ротанговых креслах попивает обеденный чай троица. Разговор неспешен, даже несмотря на злободневность темы, и лишь по нетерпеливым жестам и взглядам, бросаемым в сторону извилистой тропки, заметно, – они кого-то ждут. Троица эта, представляет собой собрание мировых светил на отдыхе.

Марк – хозяин дачи, коему она досталась в наследство от покойного отца, в пижаме, не снятой по рассеянности еще с ночи и потирающий то и дело седой череп закусанный комарами. Он полнотелый, гладкий и покатый, с глазами, напроочь лишенными интеллекта. Блаженный полоумный, но это лишь на первый взгляд. На деле, умнейший человек в своей области конечно, а область эта, на минуту, квантовая физика и механика. Марк залез в науку с головой, и не отвлекаясь больше ни на какие другие дела, так там и остался, за что втихаря его звали задолбаем и аутистом, на что он опять же не обращал никакого внимания. Вот такой он, чокнутый профессор, живущий с мамой и не умеющий сам себя обслужить. Наука, и все, за ней ничего. Но есть только одно желание кроме работы. Внушил он себе, что желает прославиться, по невнятному завету отца, мечтающего о том же, или еще по какой причине, но что есть, то есть.

Второй, – сорокапятилетний Андрей Хворостинский, не в пример погодку Марку, аккуратно выправленный, с постриженной черной бородкой, в «воротничке» и полосатом шерстяном жилете несмотря на жару, только потому, что так красивей и совсем по-английски. С оттопыренным от чашки мизинцем и ироничной улыбкой, впрочем, самонадеянный до безобразия, да и весь он самонадеянный, отглаженный и начищенный как и его идеально белые зубы, выступающие вперед немного, но придающие озорства и молоджавости. Он единственный из компании женат, на своей ассистентке, такой же отутюженной и лакированной Белле, двадцатью годами моложе. Строгой и высокомерной, и кажущейся старше, поскольку никому еще не прибавлял юности престарелый муж, а наоборот, да и холод ее серых глаз, пучок из льняных волос и сжатые в полоску губы, будто кричат, что женщина она неприступная, правильная и успешная, недаром жена зав. кафедрой института естественных наук.

Третий присутствующий, – никогда не довольный собой, своей внешностью и состоянием, но упорно не желающий трудиться во имя исправления недостатков, зато гораздо моложе остальных. Несуразный, с тонкими пегими волосами по плечи, пегим сосредоточенным лицом и нервными движениями. Беспристанно поправляющий очки, субтильный, мелкий, лопочащий и заискивающе смеющийся невпопад – Килька. Так прозвал его Хворостинский, после заявления, что на зарплату научного сотрудника, из мясного меню можно полакомиться лишь килькой, да и то не чаще раза в неделю. Этим высказыванием, парень заслужил себе прибавку к жалованию в виде особой стипендии – для особо одаренных и особо перспективных умов, а в придачу к стипендии – прозвище, и так крепко оно зацепилось, что через пару дней, мир напроочь забыл его настоящее имя. Да и нам, до поры, его знать не обязательно.

–Где же Белла? Сколько можно ждать? – нетерпеливо восклицает Килька, закатывая вверх близорукие глаза. За его взглядом тут же устремляются остальные. Хрупкие березовые листочки цвета лайма, а через них, голубое небо и лучи солнца в зените. Беллы там нет. Андрей улыбается лучезарно, на вид спокоен, но в зрачках – огонь.

Марк, вдруг бледнеет, оглядывается, будто потеряв что-то, смотрит вопросительно на старый дом и бормочет:

–Не понимаю, как вообще, такое возможно? Квантовая частица, отрицательная частица, прошедшая через имитатор, после соприкосновения со случайно пролитым кофе – ожила! Надо же, какая случайность...

–Если бы в этом закрытом от цивилизации месте был интернет, Белла незамедлительно выслала фото и видео, а так, ждем... – бубнит Андрей – Вот и отпуск насмарку! Единение с природой... старая отцовская дача... здесь и дорог-то нет, только по железке, по старинке, на поезде! Хорошо хоть стационарная связь сохранилась...

–А как бы мы отдохнули? Нас достали бы и на Марсе!

–А здесь не Марс? Так же далеко и пустынно... – вмешивается в разговор Килька – к тому же, нас достали и здесь!

–На этот раз не без повода!

–Не без повода! – повторяют коллеги друг за другом – Не без повода!

Вперивают нетерпеливые взгляды в тропинку, на разухабистую ель, что лапами закрывает обзор.

–Здесь рыбалка хорошая... – последний довод Марка.

–Где мы ни разу не были!

–Кто мешал?

–Вы же и мешали коллега, спите до обеда, ленитесь собрать снасти и думаете на отдыхе только о работе!

–Тебе ли говорить Килька, тебе ли... у тебя все разговоры о схождении сфер...

–Вот, вот, а ты, «рыбалка»! А не я ли вам говорил, что из-за схождения возможно перестроение частицы, запуск... говорил? Говорил, что жди теперь чуда, ведь и само схождение не иначе как чудо!

–Чудо... может где-то ошибка? Перепроверить надо семь раз! Семь раз отмерь, один отрежь!

Вмешивается Хворостинский:

–Наш случай, противоречит этой поговорке, здесь как раз цепочка случайностей... Случайный запуск сфер, случайное дальнейшее их схождение, и частица, с отрицательным зарядом попавшая случайно, в кофе разини Беллы... не иначе, вмешательство высших сил!

Коллеги кивают, в этот раз все согласны, что кто-то сверху, невидимым перстом руководит экспериментом, сокрытым, к слову, от любопытных. Это их тайна, на троих, не считая Беллы, следящей чтобы во время их отпуска ничего не нарушилось в заданном цикле эксперимента. Не уследила – нарушилось. Но может оно и к лучшему, это как посмотреть.

И снова шелест листьев, скользящий и ласкающий их ветерок, стрекот кузнечиков в зарослях некошенной травы. Запах сочного прелого леса, старого дерева, и затхлой воды от озера за перелеском. Безмятежность и покой дикого места, со своими хлопотами. Птицы готовятся улетать в теплые края, насекомые жужжат и гудят в попытке урвать еще немного тепла и жизни и среди этого великолепия, трое друзей разных по виду и положению, но накрепко объединенных одной тайной, целью и идеей. Научой, жаждой открытий, желанием понять цель существования мира, копнуть и поворочать привычные научные гипотезы, заглянуть под занавес тайны мироздания, проследить всю цепочку, от большого взрыва и до создания планеты Земля.

Теперь, стадия зарождения жизни, то, к чему стремились они долгими попытками поменять привычное и запустить процесс, хотя бы и двигаясь от обратного. От отрицания. Нет, никто из них не планировал стать Богом, Творцом, – просто извечное человеческое любопытство, плюс гений и вуаля. Через год после запуска имитатора вселенной – сдвиг. И снова случайность, присутствующая наверняка у всех первооткрывателей и экспериментаторов. Словно по щелчку. Вчера было не время и не место, а сегодня самое оно. Вчера было рано и незрело, сейчас же момент икс.

Озорной солнечный луч, застывший на одной из сфер, использовавший ее как линзу для накала всей цепи, схождение цепи в одно кипящее ядро и в этом ядре формирование оптимальных условий к зарождению жизни. Дальше выход частицы, кофе и недоуменный крик

Беллы в телефонную трубку – «Одноклеточное! Частица сформировалась в одноклеточное!» И ожидание. Тягостное, нетерпеливое, но полное восторгов и гордости – «Получилось! Вышло, ёшкин-ты...» – но как степенные ученые мужи, они не могут себе позволить лишних эмоций, а потому, – «Пусть придет Белла и докажет еще, стоит ли прерывать наш отпущк...»

Томительно ожидание, хочется сорваться и нестись, но нет. Друг перед другом не положено, перед всем научным сообществом не положено, да и неловко как-то.

Разговор стих, каждый думает о своем и солнце из зенита переходит в сторону горизонта, кузнечики остервенело верещат на закат и чай давно уже выпит, но нет сил двигаться, сковало члены в оцепенении и сердца уже не колышутся в радостном предвкушении, а только досада за неторопливость Беллы, злые взгляды, бросаемые на навязчивую ель закрывающую обзор и мысленное обещание срубить ее при первой возможности.

Наконец, в тот момент, когда Марку приспичило в уборную, и он встал, распространяя запах пота от пижамы, когда очки Кильки совсем съехали, и он откинул их на лоб, а Андрей провел по мокрым волосам, создав из прилизанной прически хаос, за ненавистной елью зашуршало и показалась Белла.

Все в ней легко, легкие босоножки, легкие шорты, легкость в походке и движениях, будто и нет жары, – она невесома и свежа. Легкости нет лишь в глазах, холодных и надменных.

Ни на минуту не забывает кто она и чья, но старается забыть откуда. Закомплексовано старается забыть юность и влюбленность аспирантки в декана, хождение по мукам, светлые кудри по плечам, мини, и алую помаду, немое обожание, трепетное слияние и снисходительное – «Выходи за меня! Как жена, ты подходишь мне,... да и пора уж остепениться...» Визги, пiski, кольцо, прыжки до потолка подруг, рестораны, магазины – преображение. А дальше, зависть, отстранение, высокомерие и замкнутость в круге интересов мужа, да и не интересно ей ничего боле.

–Ну, что, заждались? – Белле приятно внимание, и она не спешит. Усаживается в освободившееся кресло, достает из сумки воду, неторопливо пьет, из-под ресниц наблюдая за нетерпением друзей.

–Не томи! – дрожащий голос мужа как сигнал к действию. Отставлена в сторону вода, извлечен планшет, фотографии и бумаги.

–Вот! – Белла находит в планшете нужное видео – Вот оно! Сам процесс размылся почему-то, едва видно, но если приблизить... итог есть! – поворачивает экран к друзьям. Те жадно вглядываются в изображение, кто-то выхватывает из рук устройство, кто-то тянется к фото и на пару мгновений замирает жизнь вокруг, стихают звуки, и время словно останавливается, а Марк, вглядывается в тропинку и в старую ель, будто силясь что-то вспомнить.

Переглядываются ученые, в глазах торжество и восторг, и недоумение, и тихий голос Андрея:

–Поздравляю, коллеги... свершилось! – а дальше, сумбур, перекрикивания, обнимания и рукопожатия, сверка с документами, споры и отрицания фактов.

–Я же говорил, случится чудо!

–Ну, тебя, Килька, с твоими чудесами! Теперь не до чудес, условия надо создать оптимальные, не дать клетке умереть,... а лучше, заставить делиться и размножаться и тогда...

Марк чешет закусанную макушку, и не может скрыть радости:

–Можно открыться ученому сообществу! Вы представляете, какой будет фурор?

Забыта тропинка, забыта ель, забыты муки ожидания, малиновый закат кидает прощальные жаркие лучи на оживленную группу людей. Лес неподвижен и вечен, и полон птичьих неугомонных трелей, да старый дом глядит слепыми окнами, нахмуренными ставнями, и бурая черепичная крыша, словно в мрачном предчувствии изборожденный морщинами лоб. Весь этот первозданный уголок планеты наблюдает сейчас, как вершится история, и не знает, к чему

приведет беспечность ученых мужей и их кажущееся на первый взгляд безобидным открытие. Разве что старый дом знает, смутно он догадывается, что на этот раз, вряд ли обойдется.

–Когда поезд? Успеем? Бегом! Скорее!

–Белла, помоги собраться!

В утомленных глазах женщины отблески заката, а лицо мягко и безмятежно освещаемое теплым светом повернуто к мужу. Но он не замечает ее красоты и молодости, не придает значения тому, как она сейчас хороша, привык, да и происходящее в лаборатории всегда важнее.

–Конечно, Андрей, сейчас организую...

День второй

В полутемной, душной лаборатории, знакомая нам троица друзей. Марк – небритый, в некогда белом, а теперь повсеместно заляпанном медицинском халате, без пуговицы на выпирающем животе, – оступело и не мигая смотрит в микроскоп, встроенный в стекло герметичного куба. По обе стороны от него, его соратники, – белоснежно-выглаженный аристократ Хворостинский и Килька – в одеянии мешком висащем на тощей фигуре.

–Дай посмотреть!

–Что там? Условия подходящие?

–Условия оптимальные... – пространно мямлит Марк – но не пойму, это уже не то, что мы видели, одноклеточная водоросль вроде... очень древняя... глянь, Килька, я прав?

Превозмогая нетерпение, к микроскопу встает Килька.

–Да... древнейшая одноклеточная водоросль, по всем законам жанра эволюционировавшая с полтора миллиарда лет назад... – взгляд его отрывается, рот кривится в подобие улыбки, а очки падают на кончик носа – Друзья, мы стали свидетелями зарождения жизни!

Его место тут же занимает Андрей.

–Подожди, не радуйся раньше времени, не вижу я у этой клетки желания размножаться, будто неживая она... так и помрет, одинокой и неудовлетворенной! – он смеется своей шутке, отрывается от линзы и сведя черные брови к носу, смотрит через стекло на колбу в которой покоится водоросль.

Марк жмет покатыми плечами, скребет череп, также впериывает взгляд в куб.

–Полтора миллиарда, говоришь? Кислорода на планете в то время было в разы меньше, зато сероводорода, углекислого газа и метана, хоть отбавляй...

Друзья переглядываются, а Килька хлопает себя по лбу:

–Дурья моя башка! Конечно! Клетка в неподходящих условиях впала в анабиоз! – он мечется по помещению, хватая на ходу с лязгающих металлом полок банки с реактивами – Вот! Главное, соблюсти пропорции!

–Соблюдай! – с усмешкой говорит Андрей – мы с Марком выпьем кофе, а то пять утра, знаешь ли... – и прикрывая деланный зев, белой рукой увлекая замешкавшегося Марка, он следует в дальний уголок лаборатории, к импровизированному буфету сотворенному из железного стеллажа, к столу, также железному, накрытому с легкой руки Беллы розовой скатертью. Включает электрический чайник, насыпает кофе по чашкам.

–Что скажете, профессор? – дежурный вопрос, но для Марка это повод еще глубже уйти в себя. Андрей резюмирует сам, – Судя по выводам ученых о состоянии планеты на стадии зарождения жизни, так и было... ни тебе атмосферы, ни тебе почвы, только вода, вулканы и палящее солнце – он треплет и лохматит волосы, снова складывает и приглаживает – Разогрев и вода... кофе, вот тебе и вода...

Крик от стеклянного куба заставляет вздрогнуть.

–Она пошевелилась! Водоросль пошевелилась!

Чайник кипит, выбрасывая пар из носика и крупно дрожа, в окна устремляются первые рассеянные лучи и освещают бледные от бессонной ночи лица присутствующих. Освещают

обстановку лаборатории, с вечным хаосом, инструментами, приспособлениями, банками, пробирками, часто не подписанными, и отнимающими время на разгадывание тайны их содержимого. Марк отрывается от созерцания подопытной клетки и сдавленно шепчет, но шепот этот словно грохот.

–Вроде... если я не ошибаюсь, это и не водоросль вовсе... это бактерия! Поправь меня, Килька, если я не прав...

Рокировка, у микроскопа молодой экспериментатор, голос его срывается, а очки, не удержавшись на носу, со звоном падают на пол. Вдребезги.

–Не понял,... этого не может быть!

–Так я прав?

–Безусловно! – ноль внимания на разбившиеся очки – Бактерия... – потер глаза, растерянно глянул на коллег, – теперь и мне кофе не помешает!

Возвращаются к столу в полном составе. Килька предлагает:

–Может ей кислородика подбавить? Ведь задохнуться может... живая...

–Подбавь...

Со вздохом, и чашкой в руках Колька плетется к кубу. Шуршит, скрипит, слышится хруст раздавленных стекол, все еще валяющихся на полу очков, и возглас:

–Где же Белла? Мне нужны новые!

–Я здесь! – дыша свежестью и мылом, подтянутая и бодрая, несмотря на трудную ночь, она заходит.

Тут уже ночь уступает место утру и оживает пространство. Выужены из сумки очки для Кильки, коих у Беллы не менее десятка, достается из шкафчика щетка на палке и совок – минута и пол чист. Открываются окна, за ними рощица и автострада, из рощи разноголосье птиц, а с автострады шум, сигналы и рычание длинномеров. Влажный рассветный воздух проникает в помещение, и присутствующие оживляются, горячатся, принимаются обсуждать. Под воробьиное чириканье, под шелест шин, под вполне земные звуки и запахи, не так все и туманно как кажется на первый взгляд.

–Может мы поначалу ошиблись? Может там и была бактерия?

–Я – не я, если там была бактерия!

–А ты, и не ты, Килька!

–Я, может, и не я, но не слепой!

–Ага! Судя по очкам, совсем зрячий!

От куба слышится возглас Беллы, оглушает он и шуточную перепалку, и светлое августовское утро, и птиц, и автостраду:

–Какой симпатичный червячок! Это дождевой? – Белла имеет отличное образование, хоть и незаконченное по потребности мужа, видеть ее ежесекундно возле себя и пользоваться ее услугами, как помощницы, домработницы, ассистентки, так и жены и любовницы, но здесь она бессильна.

–Андрей, подойдите! – очень хочется ей притвориться глупышкой, дабы потешить самолюбие супруга, и дать ему первому ответить на вопрос.

Сбегаются все, но именно Хворостинский, по зову жены, встает к микроскопу.

–Н-да... «жгутиковые»... ан-нет, «кишечнополостные», или вовсе «плоские»,... собственно, сейчас я наблюдаю эволюцию семимильными шагами... – и эта улыбка, самодовольная, и торчащие вперед белые зубы, и несмотря ни на что, аккуратный вид, раздражают его коллег, а еще больше тот факт, что не они у станка, а этот зазнайка.

Разочарованно Килька слепо смотрит за стекло, а Марк протягивает, будто силясь вспомнить что-то:

–Возможно, стоит открыться? Собрать ученый совет? Как-никак, частица отрицательная... – его не слушают. На минуту в лаборатории воцаряется тишина, лишь из распахнутого

настежь окна вездесущий уличный гомон, да слышно как причмокивает Андрей, пытаясь уследить за преобразованием подопытного объекта. А через минуту тишины, микроскоп стал не нужен, объект видно невооруженным глазом. Особь вылезла из колбы, выросла до размера мелкого членистоногого, темного и полупрозрачного, с черными точками глаз.

–Ой! – восклицает Белла – Он смотрит, да как разумно!

Первым из ступора выходит Андрей, развернувшись к жене, он почти кричит:

–Белла! Кофе! Копировать съемку на флешкарту, мы идем сдаваться! А пока, кофе!

Белла бледнеет, молча и понуро следует к столу, набирает в чайник воды, ставит, давит на кнопку, затем глядит на мужа, а в глазах такой ужас, будто и не муж перед ней, и не коллеги его, а привидение и два вампира.

–Что? – голос Хворостинского как металл.

Белла опускает глаза, скользит взором по полу, и шепчет:

–Кто-нибудь включил камеру? – затем смелеет – Я-то была дома, а кто-нибудь из вас, таких великих и ужасных, додумался? – взгляд ее мечется и устремляется к лампочке камеры, что чернеет, не думая загораться без помощи людей. Троица смотрит туда же.

Килька снова роняет очки, на этот раз видимо нарочно, хватая в кулаки волосы и стонет. Хворостинский мрачнеет, а Марк, молча и с тупым равнодушием, подходит к кубу и констатирует:

–Коллеги... особь-то скончалась...

Коллеги следуют за ним. И правда, высохшее паучье тельце, с отвалившейся лапкой, блекло смотрит на микроскоп. Что-то хрустит в звенящей тишине, это Килька наступает на валяющиеся на полу очки. Мыском шлепанца он отшвыривает их в сторону:

–Все пропало... еще и видео нет...

Друзья сумрачно и жалко глядят на останки подопытного. Хворостинский вздыхает, и срывающимся голосом предлагает:

–Пойдем, напьемся? Потом подумаем что делать, потом... – разворачивает собратьев по несчастью за плечи и будто пытаясь заглушить щемящее разочарование, привычно хохмит – Пойдем, не будем долго горевать по усопшему, пусть покоится с миром...

Шаркая, и на ходу снимая халаты, они бредут к двери. Возле куба, в одиночестве, остается лишь Белла, – ее проигнорировали, не позвали, ведь она не часть их команды, она чужая. Злые слезы стоят в ее глазах, и осознание проваленного эксперимента только раздражает ее поплакать.

Всегда, так было, и видимо будет – он делит горе не с ней. Ни разу, муж не сказал ей о любви, а лишь о потребности. Она привыкла ассоциировать фразу, – «Что бы я без тебя делал?» – с фразой, – «Я не могу жить без тебя!» – а, – «Почему тебя не было так долго?» – с, – «Я скучал!» То, что в ее отсутствие он названивает каждую минуту, она понимает, теша себя, как необходимость услышать ее голос, а то, что дергает по пустякам, как крайнюю зависимость от ее мнения. Вот, только, никогда в их семье не говорят о любви или страсти, и о детях тоже не говорят. Поначалу, было рановато, затем, не время, а последний год, и вовсе, на уме только эксперимент, да и как это можно представить, ей стать матерью, если главный ее ребенок – муж, требующий постоянного внимания и заботы? Ведь он так беспомощен! Взять хотя бы сегодняшний случай с камерой! Ну не дети? Один другого беспомощней!

Белла смахивает досадливую слезу и от беспокойства, стараясь предупредить последствия, поворачивает рычаг куба на автомат. «Пусть полежит пока,... наверняка, когда эти светила науки пропылятся, захотят разобрать паучка на составляющие...» – с этими мыслями, она берет щетку, дабы собрать осколки очередных очков разбитых Килькой. «Этот щегол, очки не надел!» – тут уже из глаз потоком слезы, – «И зачем я их таскаю? Муж попросил!»

Августовское утро полноправно заглядывает в лабораторию, освещает мягкими лучами и куб, и плачущую женщину, что отбросив щетку, подошла к окну глотнуть воздуха. Подошла

подумать, что она молода и красива, а жизнь за окном так многогранна. Подошла вспомнить добрачные годы юности и пылкости, что давно уж стерлись в быту и каждодневных хлопотах, а так бы хотелось! А чего бы хотелось женщине, у которой на поверхности, есть все?

Оголтелости, куража, бездумности и безумия, смеха, пикников, поцелуев украдкой и наивной влюбленности, ... всего того, чего она лишилась, выйдя замуж.

Но она любит мужа! К тому же, там, на стоянке, припаркована ее новенькая беленькая машинка, на которой она сейчас поедет в шикарно обставленную квартиру, а на выходные, – загородный дом, не менее шикарный, с садом, клумбами, и даже теплицей.

Белла смотрит на циферблат золотых часиков. Восемь утра. Расправляет плечи, оттирает лицо, вспоминает хрущевку матери, штопанные колготки, и совсем с другим настроением:

–Все-таки, жизнь удалась!

День третий

В квартире Марка трезвонит стационарный телефон, а из спальни залиvistый храп. Открывается соседняя дверь и шаркая по полу ветхими тапками к тяжеловесному аппарату подходит старушка – мать Марка. Голова ее трясется, а голос дребезжит как старая телега, но в движениях тихая интеллигентность, как и в квартире, что несмотря на лакированную советскую мебель, обставлена со вкусом и чистотой спокойного увядания и достойного смирения с неизбежным, – со старостью.

–Да! Ага! Разбужу и передам! – аккуратно и бережно кладется трубка, снова шарканье, теперь в сторону храпа, а через минуту тихих переговоров, вместо храпа, крик:

–Бегу! Мама, где мои брюки? Ай-яй, носок прохудился! Да ладно, и так сойдет... мама, не надо мне других носок! – чмокание, дребезжащий голос старушки и вскрик, – Мама, я не буду завтракать, некогда мне... папа тоже не завтракал когда торопился, ... перестань меня целовать!

Шорох в прихожей, громкий хлопок входной двери и тишина. Старушка стоит еще некоторое время, жамкает в руках носовой платок, вытирает им слезящиеся глаза и также шаркая, идет в свою комнату, тем же платком на ходу протирая пыль.

А Марк, бегом преодолевает ступени, мчится навстречу похороненному ранее эксперименту, ведь ночевавший в лаборатории Килька, удумавший пьяным глазом разглядеть трупик паучка поближе, разглядел в нем то, что заставило его протрезветь. В членистоногом обнаружилось яйцо. И вот, теперь, Марк бежит к супермаркету, около которого его ждет семья Хворостинских, на авто, дабы забрать, и привезти точно по адресу. Мало ли что!

Все знают, как Марк умеет находить себе проблемы в большом мире, то бишь, на улице, да и живы еще в памяти его последние приключения. Например, в метро, где он покатыл в противоположную сторону и после – потерялся. Или в автобусе, где на него напал кондуктор с целью взять оплату проезда, да Марк забыл в этот день и кошелек, и мобильник, и потому за безбилетный проезд его тут же высадили, впоследствии чего он благополучно опять потерялся.

–Яйцо, хм, надо же! – бормочет Марк себе под нос, и будучи уже в машине, и поднимаясь по ступеням в лабораторию, все отстраненно, будто копаясь в воспоминаниях и не обращая внимания ни на Андрея, ни на Беллу, ни на Кильку, что встречает в самом растрепанном виде, и с дрожащими от перепоя и нетерпения руками.

Плачущим тоном Килька просит Беллу предоставить ему очки, а Белла со снисходительной улыбкой выполняет его просьбу.

–Куда бы вы без меня? – но на Беллу ноль внимания. Все внимание на малюсенькое, зеленоватое, абсолютно круглое яичко, что лежит на столе и странно дергается из стороны в сторону, будто маятник.

Килька шепчет:

–Как вы думаете, кто там?

Андрей еще тише:

– Оно вылупляется? – оглядывает собравшихся растерянно и мутно – Что делать-то?

Оживляется Марк:

– Чего это мы? Ведь мы рискуем! Мало ли... в куб его, за стекло надо! – тяжело снует по помещению, ищет чего-то, сам не понимая чего, но поздно.

От яйца откалывается осколок скорлупы и из щели глядит миниатюрная змеиная головка, идеально черная, с крохотным раздвоенным язычком. Копошение, шелест, и упругое тонкое тело выползает наружу.

Тройка ученых, словно под гипнозом, восторг в осанках за непрерывный-таки эксперимент и страх, и боязнь пошевелиться. Не под гипнозом Белла, она заходит сзади, и прозрачной глубокой крышкой, сверху, накрывает подопытного. Змейка не боится и не убегает, только смотрит с любопытством и будто с усмешкой вертикальными узкими зрачками и поднимает голову, будто в попытке встать.

Все выдыхают, гомон, возгласы, рукопожатия:

– Друзья! Коллеги! Я уж думал, все пропало!

– Это все дано свыше! Не случайно все!

– Провидение, черт возьми! И Белла умничка, если бы не она, если бы не подключила автоматический режим...

– Провидение? Наука! Мы молодцы, ну и Белла конечно, не зря я на ней женился... толковая...

Марк скребет седую голову что есть мочи, и в физиономии его обалделой и радость, и опаска, но больше радости, а губы, полные, красные сходятся гармошкой из-за невозможности скрыть улыбку, но как всегда резонно:

– Кто-нибудь снимал?

Мотают в отрицании головами друзья, но для них это уже не так важно, важно лишь, что «шоу» все еще продолжается.

– Один хрен начала нет, так что уж теперь?

– Что дальше?

– Теперь ее в изолятор надо!

Прошли к изолятору.

– Водички бы туда, змеи воду любят...

– Температурный режим, какой?

– Думаю температуру не высокую, с теплым лучом в угол, где можно погреться...

От стола слышится:

– Ой, а где? Убежала змейка!

В лицах ученых такой животный ужас и страдание, что Белле неловко за себя, и вся она такая бесполезная и растяпа, и виновата тоже она.

Бегут искать, бешено вращая глазами и лопоча:

– Главное, дверей не открывать! И окон! Найдется, никуда не денется...

Тихий шепот Беллы как ушат ледяной воды.

– Змейка маленькая, может в любую щель пролезть.

Останавливаются на мгновение и снова суета.

– Надо заткнуть все щели!

– Чем?

Снова Белла, комкает бумагу:

– Быстрее!

– Скорее! Марк! Чего стоишь? Помогай! – заглядывают в углы в поисках предполагаемых щелей, и вдруг звук, ... будто взмах крыльев. Застывают, прислушиваются, лихорадочно вглядываются в пространство, пытаясь понять, откуда он.

Из-под стола тень, трепет и птичий писк. Напряжение электрическое.

–Кто смелый? – бормочет Килька. Но таких нет, да и смелость теперь ни к чему, черное пятно шевелится, и поднимая пыль, летит к окну. Свистит, бьется в стекло, и пролетев над потолком круг, опускается на плечо к Белле. Белла бледнеет, рот ее раскрывается уж закричать, но пятно опускает голову и проводит по белой щеке, лапаясь.

Марк обалдело тянет:

–Голубь! Это черный голубь, коллеги...

* * * * *

Спустя час, обпившиеся кофе и разомлевшие после вчерашней попойки ученые, спокойно восседают за столом, косясь на Беллу, что гладит воркующего голубя и цокает ему, призывая к общению.

–Как это понимать, коллеги? – спрашивает Андрей – Мне интересно ваше мнение...

–Мое мнение не изменилось... чудо! – отвечает Килька, глядя поверх очков и шумно прихлебывая из чашки – Эволюция из клетки в птицу, всего за два дня! Кстати, птице нужна клетка...

–Угу,... а вы думаете, процесс завершен?

–По крайней мере, за час ничего не произошло... – говорит Андрей, подозрительно глядя, как Белла сюсюкает голубю – судя по темпу прогресса до этого, за час, птица должна стать самолетом... – он усмехается шутке, и Белла по инерции выдавливает смешок.

–Подождать думаешь? – интересуется Марк, и вздохнув протягивает – Эх, тревожно мне чего-то... не пойму... может, отчитаемся перед сообществом и свернем эксперимент?

–Ха! И чего мы им покажем? Снять не получилось!

–Ты забываешь про авторитет, Андрей,... кстати, сейчас-то хоть камера включена?

–Включена, работает, да поздно,... по моему мнению,... вполне возможно, что процесс завершен,... а одного авторитета мало... тебе ли не знать? Взять хоть и твоего отца...

Соглашаются, кивают.

–Возможно, стоит все повторить, но на камеру... – муж мрачно наблюдает за действиями жены, что тянет ладонь и приглашает птицу перебраться. Голубь крутит черной головой, оценивающе смотрит на Беллу и устраивается на запястье.

–Совсем ручной! – восторженно шепчет Белла. Тянется к птице лицом, губами, получает подобие поцелуя по-птичьи, по позвоночнику ток, поворачивается, чтобы глянуть на собравшихся другими глазами. Видится ей Марк бесформенной перезрелой грушей, Килька дохлым, ноющим червяком, а муж нарциссом и эгоистом. И только этот удивительный голубь и его поцелуй по-настоящему стоят чего-то.

Хворостинский бледен, тени ревности на лице:

–Оставь подопытного в покое! – почти рычит он.

Белла глядит вопросительно, но все же спускает голубя на стеллаж.

Андрей успокаивается, виновато озирается и более покладисто продолжает:

–Кто его знает? Он может быть больным,... укусит,... то есть клонет,... в общем, подождем! Если эволюция не продолжится, будем изучать птицу на клеточном уровне,... а там, можно будет и по новой, на камеру...

Белла прерывает монолог:

–Вы хотите убить его и разобрать на молекулы?

Андрей хмурится:

–Конечно, но тебя это мало касается... наша задача, вытащить из него все, что он может дать науке, а не придаваться сантиментам!

Белла сдавливая рот в полоску, энергично хватается за птицу, глядит на мужа, на голубя и решительно заявляет:

–Не позволю! Он живой!

Блестящие черные глаза-бусины голубя смотрят с благодарностью, а вот карие бусины Хворостинского, с яростью. Он так же решительно встает, и пытается вырвать птицу из рук жены. На мгновение между ними завязывается борьба, вследствие которой птица высвобождается и хаотично порхает над головами борющихся. Белла сдаётся, тяжело дыша, наблюдает за полетом.

Хворостинский цедит:

–Кто ты такая, чтобы мешать ученым, делать свою работу?

Кровь отливает от лица его супруги:

–Ах ты так? – подсакивает к окну, распакивает его настёж – Лети! – нервно кричит голубю – улетай от этих,... этих,... садистов!

С улицы все-то же чириканье, и шум автострады, тянет жарой и далекими грозами, только вот голубь и не думает улетать. Наоборот, он устраивается поудобнее на стеллаже и с интересом смотрит на действия четы, низко и приятно воркуя.

–Вы чего? – ошарашено вопрошает Килька – Что на вас нашло?

Хворостинский невидящим взглядом оглядывает помещение, потом свою жену, вздыхает, треплет уложенные волосы и бормочет:

–Не знаю,... вероятно с похмелья... Белла, домой!

Закрываются створки окна, Белла подходит к голубю, прощаясь, ласково треплет его голову, проводит по блестящей спинке, и любовно щекочет шею.

–Пошли! – властно торопит Андрей – Марк, ты едешь?

–И меня подбросьте! – просится Килька, подходя к подопытному – Удивительно красивый голубь! – протягивает руку, трогает, дергается словно обжегшись. Осматривает свою фигуру, одежду, вдруг выправляет плечи, приосанивается, и мутно глядит на птицу – Удивительно красивый...

* * * * *

Едут молча. Белла бледная и с лихорадочным румянцем, – за рулем. Андрей, ерзающий, и вся палитра чувств от сожаления, до уязвленного самолюбия на лице. Марк погружен в себя, а Килька с закрытыми глазами и откинувшись на подголовник. Килька и выходит первым. Прощается, не глядя ни на кого, стеснительно откашливается и обращается к Белле:

–Как ты считаешь, может мне попробовать носить контактные линзы? А то очки... как-то поднадоели,... бьются то и дело...

Белла не поворачиваясь, жмет плечами, Андрей фыркает, и машина трогается.

Марка довозят до подъезда.

–Маме, привет! – в шуточной форме говорит Андрей, но получается раздраженно и не к месту.

Марк, будто додумавшись до чего-то, будто вспомнив, задает вопрос:

–Голубь, голубем, но почему такой черный? Не белый, не сизый, а черный? Как ворон? Не связано ли это с тем, что произошел он все-таки от отрицательной частицы? И ваше поведение, опять же, никогда не видел вас такими... – он вылезает, кряхтя, на секунду впускает шум двора и смех детей на площадке, хлопает за ним дверь, и звуки улицы сменяет тишина.

Опять молчание. Хворостинский прерывает его первым:

–Обиделась?

Белла молчит. Андрей поправляет рукав рубашки:

–Помялась,... погладишь?

Молчание.

–Ну вот, чего ты влезла? Сдался тебе этот голубь? Сколько мы мышей замучили, беленьких и няшных, и ничего! А тут, – живой, видишь ли...

Белла резко поворачивается, и муж не узнает жены, столько жара во взгляде:

– Не смей его трогать! – говорит глухо, с придыханием и твердо как гранит.

Хворостинский задыхается, щурится и чеканя каждую букву произносит фразу, что впоследствии, для Беллы станет поводом к совершению непоправимого:

– Ты, девочка, вероятно забыла, кто ты, и откуда? И что полномочия у тебя здесь примитивные, – принеси, подай, пошла на хрен не мешай! И потому, ... пошла на хрен, не мешай, мой тебе ответ!

Белла пунцовая, вдавливая педаль газа с такой силой, что визжат ремни, и автомобиль резко срывается с места, оставляя позади себя облако пыли, жаркий галдящий двор, и спугнув голубей с дороги. И сизых голубей, и белых, и рябых, и даже черных. Но не настолько. Черных как вороны нет.

А вечером, когда пыл уже угас, и наступило что-то вроде перемирия, когда Белла, в быту закрутилась и подзабылся ей тот голубь, когда высказывание мужа и обида на его резкость притупилась, Хворостинский решил взглянуть на лабораторию в режиме реальной съемки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.